

ОПРАВДАНИЕ ПОЭЗИИ

Поэзия — обоюдоострое оружие. Она, с одной стороны, призвана оправдать этот мир, его повадки, норы и язык, вернуть ему смысл и назначение, с другой — сама нуждается в оправдании, так как далеко не всегда способна выдержать иронический прищур оцифрованного современника, начинает бояться музыки и гармонии, путается в словах, как в ловчей сети, теряет силу и отступает, становясь одной из частных областей языкознания, интересной только специалистам.

Когда в СССР во второй половине прошлого века случился поэтический бум, советские люди с изумлением взирали на Запад, где стихи всё больше и больше превращались в доступную лишь «посвящённым» забаву университетского меньшинства. Потом и к нам пришёл капитализм, общество потребления, власть развлечений и удовольствий, которые можно взвесить и осязать. Аудитория поэзии с каждым годом сужалась, само слово поэт, стихотворец стало чем-то предосудительным, удобнее было называться журналистом или преподавателем, тем более — любимым персонажем, производящим имеющий рыночную цену продукт.

Равнинное течение жизни не благоприятствует стихам. Начинает казаться, что всё уже было сказано, сюжеты исчерпаны, образы затёрты до дыр. Поэзия уходит в «измы» — метареализм, постмодернизм, концептуализм, — таких направлений десятки на любую эпоху.

Каждое из них вырабатывает свои приёмы и способно удивить новизной. Но любая новизна устаревает, и за ней остаётся только звенящая пустота.

Однако, как только страна, её речь, её люди оказываются перед судьбоносным вызовом, вновь встает вопрос о глубоких ос-

нованиях бытия — поэзия возвращает себе силу, вступает в права. Она заново учится воспевать и карать, вдохновлять и утешать, возвращает смысл жертве и покаянию. То есть в полноте свидетельствует о человеческой участи, о пространстве родной земли и времени своего поколения.

Книга Игоря Караулова «Главные слова», вобравшая в себя стихи 2020 — 2023 года — полноценное и полнокровное свидетельство проживаемой нами эпохи.

Караулов — из больших русских поэтов, который никогда и не единым жестом не был согласен на умаление поэзии, — и в этом основание его поэтики.

*«Не колеблем ни веком, ни ветром,
я для важного дела храним
с той минуты, как вороном, вепрем -
кем, не помню — назвался твоим».*

Он работает на разрыв шаблона, не желая подчиниться удобным и общепринятым стереотипам. Знает, что обыденность, отрицающая поэзию и готовая считать длящуюся старость образом бессмертия, будет сметена ветром истории, уничтожена, взорвана навсегда:

*«То звала ледяная дорога,
то мерещился свет маяка,
а по правде-то нужно немного,
это небо да те облака.
Колокольчик литого глагола,
и шепотка ночного труда,
и немножечко доброго тола,
чтоб взорвать этот мир навсегда».*

И ещё раз о том же, только другими словами, опять-таки разрывающими привычные оценочные категории, лукавую «правду века сего»:

*«Но будет день, когда из темноты
в заброшенные явятся таверны
цисгендерные белые скоты
с тетрадками своих стихотворений», —*

это уже с отсылкой к пушкинскому «Лицею».

При этом поэт прекрасно владеет и постмодернистской эстетикой, и деконструкцией, и концептуальным вывертом, но использует их прежде всего как приём, во имя возвращения к полноте поэтического бунта:

*«кончен прощальный парад
свален последний зачёт
лыжи у печки стоят
лучше б стоял пулемёт».*

Поэтика И.К. основывается на богатейшей русской и европейской традиции, тут и британский стих 18-19 веков, и немецкая лирика 20 века от Рильке до Бенна, и разумеется, русская поэтическая школа, от тяжёлой поступи авторов 18 столетия, прежде всего, Сумарокова и Державина, к Тютчеву и Случевскому.

Случаются в «Главных словах» и прямые переключки.

Знаменитые строфы Константина Случевского, записанные во второй половине 19 века:

*«Я видел варварские казни,
я видел ужасы труда,*

*Я никого не ненави́дел,
но прези́рал почти́ всегда»,*

преломились у Игоря Караулова в хлёсткие, бичующие строки:

*«Мне объявила мудрая сова,
надёжная сотрудница Минервы:
«Ты написал хорошие слова,
ты никому не действуешь на нервы».
А я готов и лучше, и не раз
засеять землю добрыми словами.
Вот только бы пореже видеть вас,
беседовать и обниматься с вами».*

Игорь Караулов
6

...По университетскому образованию Игорь Караулов — географ, пространство у него не просто связано с историческим временем, оно говорит о времени, прорываясь в надвременное. Поэт не сомневается, что мы переживаем переворот истории, уводящий далеко за пределы отпущенных нам мест и дат, от мнимостей и симулякров к существу существования.

И потому «Двенадцать» его разворачиваются совсем иначе, чем «Двенадцать» Блока столетие тому назад:

*«Смотри, двенадцать человек
идут из темноты,
пересекая русла рек —
им не нужны мосты.
Они идут через Донеи,
идут через Оскол,
минуя белый останец
и головешки сёл.*

*Они идут врагу назло
без касок, без брони.
Двенадцать — ровное число.
Но люди ли они?..
... Да, их двенадцать. Да, из тьмы -
попробуй их сломи...
А приглядеться - это мы
идём, чтоб стать людьми».*

В новом русском расколе, обозначившемся после февраля 2022 года, Игорь Караулов — один из самых маркированных, внутренне противоречивых, и в то же время сложных, глубоких поэтов. Он твёрдо знает:

*«Больше ни разу и больше нигде
Наша в Гааге не ступит нога.
Может быть, только на горло врага»,*

Но при этом не срывается в пафос, ненависть, не захлёбывается пеной на губах:

*«Когда над головой летают мины
и сатанеет вражеская рать,
поэзия, конечно, хочет мира,
поэзия не хочет воевать.
Она полночных жаждет посиделок,
где философской речи перелив.
Ей, как и прежде, флирта жемчуг мелок,
ей подавай романы на разрыв.
Поэзия зимою хочет водки,
а осенью — креплёного вина.*

*Ей надоели фронтовые сводки,
ей напрочь опостылела война.
Поэзия в живое не стреляет,
на этом свете ей не нужен враг.
Поэзия всё время поправляет
бронезилет, сидящий кое-как».*

...Стихи Караулова 20-х годов нынешнего века — своего рода испытание слов и событий на неподдельность, причастность к бытию, путеводитель по уходу из общества спектакля, прочь от царства мнимостей — в настоящую историю, её музыку и поэзию, творящуюся на наших глазах.

Потому и «Главные слова».

АНДРЕЙ ПОЛОНСКИЙ

1. ДОБРОЕ ВРЕМЯ СУТОК

÷ ÷ ÷

Я назвался твоим человеком
и уже не уйду никуда.
И вернусь не весной, так летом,
когда выйдет из снега вода.
Когда тлеющих звёзд сигареты
разгорятся в большие костры
и деревьями станут скелеты,
что на холоде машут костью.
Не колеблем ни веком, ни ветром,
я для важного дела храним
с той минуты, как вороном, вопреку —
кем, не помню — назвался твоим.

÷ ÷ ÷

Рыба смеётся пронзённой губищей:
я никому не достанусь.
Чтобы ничьёю не сделаться пищей,
я в этом сне не останусь.
Поезд отходит, звенит колокольчик,
время проститься с родными.
Задребезжит балаганчик-вагончик,
да и покатит во имя.
Слева в купе — бородатые змеи,
справа — сидят броненосцы.
Красные волки — уныло-семейны,
а поросята — несносны.
Сочка, Вы успокоили б нервы,
мне за Вас, право, неловко.
Вон Покрова показалась на Нёрли
спичечной серой головкой.
Значит, совместная наша дорога
сладкою будет халвою.
Сердцу до сердца всегда недалёко,
было бы сердце живое.
Тает вагончик в густом океане,
солнца качается гульден.
Где же вы, снасти, которые ранят?
Снасти, которые губят?

÷ ÷ ÷

Шериф разворошил наш сонный улей —
порядочная сука, без обид.
И мистер Донован убит шальнойю пулей.
И мистер Донован убит.

Да кто б его приметил накануне?
Все звали его запросто — «мальш»,
когда он виски разносил в салуне —
и вдруг он «мистер Донован», поди ж.

Прочла толстуха Сара на браслете
фамилию, куда писать родне,
покуда он, единственный на свете,
лежал в крови и рыжей волосне.

И, двух ослов в телегу запрягая,
и сзади ящик громоздя,
мы так смеялись: мама дорогая,
хороним, как индейского вождя.

И пастор, отыскав вино в сосуде,
нам проповедовал, входя в азарт,
про то, как губы резала Иуде
медь Божьих бакенбард.

÷ ÷ ÷

В меховой шапке пирожком
ты стоишь над заснеженной толпой.
Может быть, ещё переждём.
Может, удача ещё с тобой.
На тебя смотрят мортиры лиц,
все готовы к команде «пли».
Ещё вчера падали ниц,
зачем сегодня они пришли?

Льётся свет нерезкий,
у неба вид оборванца.
Но всё же ты не сдавайся,
команданте Чаушеску.

С далёкой Тимишоары
нанесло менструальной ваты.
Все гости на этой свадьбе
видят, какой ты старый.
Нации цыганские шаровары
затрещали по шву Карпат.
На перекрёстках тарахтят
винтокрылые шарабаны.

Свинцом нерестится масса,
твоя столица не стоит мессы.
Но всё же ты не сдавайся,
команданте Чаушеску.

Тонкий голосок с холма —
флейта одинокого пастуха.
Кто стреляет, тот без греха.
Кто упал, на том и вина.
Падают пластмассовые куклы
в домашнем тире истории.
Члены будущей директории
делят кастрюли на кухне.

Достаточно одного жеста.
Не хватает одного часа.
Но всё же ты не сдавайся,
команданте Чаушеску.